

Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова и Е. М. Солоновича

Кардиналу Никколо да Прато

Преподобнейшему отцу во Христе, возлюбленнейшему владыке Николаю¹, небесной милостью епископу Остии и Веллетри, легату Апостолического престола, отряженному также Святою церковью миротворцем в Тоскану, Романью, Тревиджанскую марку² и места близлежащие, - преданнейшие чада капитан Александр³, Совет Белой партии Флоренции и все члены его ревностно и с величайшей преданностью поручают себя.

Руководствуясь Вашими спасительными наставлениями и желанием снискать Вашу апостолическую милость, после ценного для нас обмена мнениями отвечаем на святые предписания, каковые Вы нам направили. И если бы за чрезмерное промедление нас признали бы повинными в небрежении или нерадивости, да не падет на нас осуждение, но да будет во благо нам Ваше святое смирение. И, учитывая, какого рода и сколько совещаний необходимо нашему братству, дабы и впредь действовать как должно, с тем чтобы существование содружества было принято во внимание, рассмотрите то, чего мы здесь касаемся, и, если бы случилось, что отсутствием должной поспешности мы навлекли на себя Ваши упреки, мы просим о снисхождении, и да поможет Вам Ваше великое добросердечие применить его к нам.

Как чуждые неблагодарности дети, прочли мы, благочестивый отец, Ваше письмо, которое, полностью совпадая со всеми нашими чаяниями, тотчас же наполнило души наши такою радостью, какую никто не смог бы измерить ни словами, ни мыслями. Ибо смысл послания Вашего, составленного в форме отеческого увещевания, лишний раз сулит нам благополучие родины, коего мы как бы в сновидений⁴ желали и страстно жаждали. Ради чего же еще мы ввергли себя в гражданскую войну? И какое иное назначение было у наших белых знамен? И ради чего иного мечи наши и копья окрасились кровью, если не ради того, чтобы те, кто дерзко и самочинно урезал гражданские права, склонили главу под властью благотворного закона и вынуждены были соблюдать мир в отечестве? Несомненно, что у справедливой стрелы нашего стремления, приведенной в движение тетивой, что служила нам, была, есть и будет впредь одна-единственная цель - спокойная жизнь и свобода флорентийского народа. Так что, если Ваши усердные бдения направлены на то, чтобы добиться столь желанного для нас блага, и коль скоро Вы намереваетесь вернуть противников наших, к чему как будто и устремлены Ваши святые усилия, на путь добрых гражданских традиций, кто сумеет воздать Вам соразмерную благодарность? Это не под силу нам, отче, так же как и всем живущим на земле флорентийцам. Но коль скоро на небе есть Доброта, которая вознаграждает подобные деяния, да вознаградит она Вас по заслугам - Вас, кто проникся состраданием к столь великому городу и спешит положить конец распрям его граждан.

После того как через представителя святой религии брата Л.5, советчика в делах общественного спокойствия и мира, нас предупредили и настоятельно попросили, как это было сделано и в самом Вашем письме, о том, чтобы мы прекратили все военные действия и всецело отдали себя в Ваши отеческие руки, мы, преданнейшие Ваши дети, любящие справедливость и мир, отложив в сторону мечи, искренне и по доброй воле вверили себя Вашей власти, о чем Вам станет известно из доклада Вашего посланца, упомянутого брата Л., и о чем посредством публичных документов, в надлежащей форме составленных, будет торжественно объявлено.

И посему с сыновним почтением и с большой любовью мы просим, чтобы Ваша Милость соблаговолила оросить безмятежным спокойствием и миром уже так давно измученную Флоренцию и одобрить нас, всегда защищавших ее народ, и вместе с нами наших единомышленников; так же как мы никогда не переставали любить отечество, мы намерены никогда не выходить за пределы Ваших велений, но всегда повиноваться, из чувства долга и из преданности, Вашим указаниям, каковы бы они ни были.

Графам да Ромена

[Это письмо написал Данте Алигьери графам Оберто и Гвидо да Ромена после смерти их дяди графа Александра, дабы выразить им свои соболезнования по поводу его кончины.]

Дядя ваш Александр, славный граф, который в эти дни возвратился на небеса, где родилась и откуда пришла его душа, был моим господином¹; и память о нем, до тех пор пока я живу на земле, всегда будет властвовать надо мной, ибо исключительное благородство его, которое ныне по ту сторону звезд заслуженно и щедро вознаграждено, сделало меня с давних пор его добровольным слугой. И действительно, эта его добродетель, сопровождавшаяся в нем всеми остальными, возвышала его славное имя над именами других италийских героев. И о чем еще говорил его героический герб, как не о том, что "мы являем бич - изгонитель пороков"² Ибо с наружной стороны он носил серебряные бичи в пурпурном поле, а с внутренней - душу, которая, любя добродетели, отвергала пороки. Да скорбит посему, да скорбит величайший тосканский дом, блиставший благодаря такому человеку; и пусть скорбят все друзья и подданные его, надежды которых жестоко сразила смерть. И в числе последних по праву да скорблю я, несчастный изгнанник, незаслуженно выдворенный из отечества³, который, вновь и вновь думая о своих несчастьях и не теряя дорогой надежды, все время находил в нем утешение.

Утрата телесных благ заставляет нас горько скорбеть, но надлежит подумать о благах духовных, которые не умирают, и пред очами души непременно возникает свет сладостного утешения. Ибо тот, кто почитал добродетели на земле, ныне почитаем добродетелями на небе; и тот, кто был палатинским графом римского двора в Тоскане, ныне, избраннейший придворный Вечного Царства, пользуется славой в небесном Иерусалиме вместе с князьями блаженных. Вот почему, дражайшие мои синьоры, я убедительно прошу и молю вас о том, чтобы вы соблаговолили умерить свою скорбь и думать о вещах осязаемых лишь постольку,

поскольку они могут служить вам примером. И как справедливейше назначил он вас наследниками своего состояния, так и вы, ближайшие его родственники, да пожелаете продолжать его славные заветы.

Кроме того, я, преданный вам, прошу вас милостиво извинить мое отсутствие на печальной церемонии, ибо не пренебрежение и не неблагодарность задержали меня вдали, а неожиданная бедность, вызванная моим изгнанием. И она, как жестокий преследователь, лишив меня даже лошадей⁴ и оружия, окончательно взяла меня в плен и ввергла в свою пещеру; и как ни стараюсь я изо всех сил выбраться оттуда, она до сих пор, сохраняя перевес надо мной, пытается, злодейка, удержать меня в заточении.

К Чино да Пистойя

Изгнаннику из Пистойи безвинный изгнанник из Флоренции желает долгих лет жизни и неизменной горячей любви.

Пожар твоей любви излил в меня слово великой веры, и ты, о дражайший друг, спрашиваешь меня, способна ли душа меняться от страсти к страсти: я говорю "от страсти к страсти", разумея, что сила ее каждый раз одинакова и что предметы ее различны по количеству, но не по качеству. И хотя было бы справедливей, чтобы ты сам ответил на поставленный тобой вопрос, ты пожелал, чтобы это сделал я, дабы ответ на труднейший вопрос прибавил славы моему имени. И несмотря на то, что мне это приятно и я не имею ничего против этого, ответ мой едва ли может быть исчерпывающим. Посему, приняв во внимание причину моей сдержанности, додумай сам то, чего я недоговариваю.

Ниже я обращаюсь к тебе с каллиопейскою речью¹, в которой высказываю в форме утверждения (ибо вопрос разбирается в поэтической форме, образно) мнение о том, что сильная любовь к некому предмету может ослабеть и вовсе погаснуть и что конец одной любви освобождает в душе место для возникновения другой.

Истинность этого, уже подтвержденную опытом, можно подкрепить также разумом и ссылкой на авторитеты. В самом деле, сила, которая с прекращением какого-то явления не пропадает, естественно сохраняется для другого явления,- следовательно, чувства, в том случае, если органы их остаются невредимыми, с прекращением одного явления не умирают и естественно сохраняются для другого. И так как сила влечения, непосредственно связанная с любовью, принадлежит к области чувств, очевидно, что она сохраняется для новой страсти, после того как предыдущая страсть, вызывающая ее к жизни, исчерпывает себя. Как легко убедиться, меньшая и большая посылки силлогизма не представляют затруднений, окончательное же суждение по этому поводу постарайся вывести сам².

Тебе остается опереться на авторитет Овидия Назона, IV книга "Метаморфоз"³ которого непосредственно затрагивает рассматриваемый нами вопрос в том месте, где (а именно в поэтической повести о трех сестрах, пренебрегших мистериями сына Семелы⁴), обращаясь к Солнцу (которое, покинув и забыв других нимф, некогда им любимых, возлюбил Левкотою), автор говорит: "К чему, о Гиперионом рожденный..." - и так далее.

После чего, драгоценнейший мой брат, я призываю тебя соблюдать осторожность и советую не забывать о стрелах Рамнунтской девы⁵. Прочти, прошу тебя, "Об излечении прихотей Фортуны", которое, как отец детям, оставил нам славнейший из философов - Сенека⁶. И да сохранится затем в памяти твоей следующее изречение: "Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое".

Маркизу Мороелло Маласпина

[Пишет Данте господину Мороелло маркизу Маласпина.]

Дабы для моего господина¹ не остались неизвестными узы, обретенные его слугою, и полная неожиданность овладевшего им чувства, а также дабы другие вещи в искаженном виде (что нередко является источником ложных представлений) не заставили его подумать, будто слуга его попал в плен чуть ли не по беспечности,- мне показалось, что следует представить взору Вашей Светлости текст настоящего письма. Итак, после того, как я покинул Ваш дом², по которому так тоскую и где (как Вы неоднократно с радостью говорили) мне было позволено делать что я хотел, едва я ступил совершенно уверенно и не соблюдая осторожности на берег Арно, тотчас же, увы, словно упавшая с неба молния, предо мною возникла, не ведаю каким образом, некая дама³, и своим обхождением и внешностью близкая моим чаяниям. О, как поразило меня ее появление! Но грянул страшный гром - и изумление кончилось. Ибо подобно тому, как блеск молнии среди ясного неба непременно сопровождается громом, страшная и властная сила Амора овладела мною, едва я увидел блеск ее красоты. И этот жестокосердный⁴, словно изгнанный из отечества господин, который после долгого изгнания возвращается в свои владения, все то, что было во мне противно ему, обрек либо смерти, либо изгнанию, либо цепям. Он положил конец похвальным моим намерениям, ради которых я чуждался и дам, и песен о них; он безжалостно лишил меня, как чуждых ему, тех постоянных раздумий, которые помогали мне исследовать и небесные, и земные предметы⁵; и наконец, дабы душа моя не восстала против него, сковал мою волю и принуждает меня делать не то, что угодно мне, а то, что ему угодно. И во мне царит Amor, и, никакие силы не осмеливаются противиться ему; и о том, как он правит мною, Вы сможете найти ниже, за пределами данного письма.

Правителям и народам Италии

Всех и каждого в отдельности королей Италии¹ и сенаторов славного Города², а также и герцогов, маркизов и графов и народы - смиренный италиец Данте Алигьери, флорентиец и безвинный изгнанник, молит о мире.

Вот теперь время благоприятное³, несущее многообещающие признаки утешения и мира, ибо занимается новый день, являя над кручами востока зарю, которая рассеивает мрак столь долгих злосчастий, и вот уже веяния с востока доносятся непрерывно: алеет небо по краям и сладостной безоблачностью укрепляет человеческие надежды. Следовательно, и мы узрим желанное счастье,- мы, проводившие долгое время в ночной пустыне, ибо взойдет титан-миротворец и с первыми его лучами воспрянет справедливость, что, подобно подсолнуху, чахла без солнца. Все страждущие от голода и жажды насытятся в свете его лучей; а те, кому люба несправедливость, придут в замешательство перед его сияющим ликом. Ибо наострил сострадательные уши сильный лев племени Иуды⁴, и сжалился, услышав вой всеобщего рабства, и создал нового Моисея, который вырвет свой народ из-под гнета египтян и поведет его в землю, где течет молоко и мед.

Возрадуйся отныне, о Италия, ты, которая даже у сарацин способна вызывать сострадание; скоро ты станешь предметом зависти всех стран, ибо жених твой, утешение Вселенной и слава твоего народа милостивейший Генрих, божественный и августейший кесарь, спешит на бракосочетание с тобой. Осуши слезы и уничтожь все следы скорби, о прекраснейшая; ибо близок тот, кто освободит тебя из узилища нечестивцев, тот, кто, мечом рассекая злодеев, сокрушит их и вверит свой виноградник другим земледельцам, с тем чтобы ко времени они взрастили плоды справедливости.

Но, может быть, он ни к кому не применит милосердия? Нет, он простит всех тех, кто обратится к нему с мольбой о помиловании, ибо он есть кесарь и величие его происходит из источника сострадания. Ему противна мысль о жестокости, и всегда, карая, он придерживается справедливых мер; зато, когда он награждает, для него не существует меры. Или, может быть, поэтому он станет рукоплескать беспутствам нечестивцев и поднимать кубок за безрассудства наглецов? Этого не случится никогда, ибо он есть кесарь. И коль скоро он есть кесарь, разве не покарает он преднамеренные злодеяния закоренелых преступников и не будет преследовать их вплоть до Фессалии?⁵ Я имею в виду Фессалию окончательного истребления.

Освободись, кровь лангобардов⁶, от всего варварского и, если живо еще что-то от семени троянцев и римлян, уступи ему место, дабы высочайший орел, когда он придет, сверкая, не увидел птенцов своих изгнанными из гнезда и обитель своего потомства занятой вороньим выводком. Скорей же, потомки скандинавов⁷, возжаждайте (как подобает вам) прихода того, чьего появления ныне вы справедливо боитесь. И да не обманет вас мрачным миражом алчность, подобно сиренам завораживающая неведомой негой неусыпный рассудок. Предстаньте лицу его и возликуйте, играя на псалтыри раскаяния⁸, памятуя о том, что "противящийся установленной власти противится Божью установлению", и что восставший против Закона Божьего идет против воли Всемогущего, и что "трудно идти против рожна"⁹.

И вы, что плачете, угнетенные, воспряньте тем временем духом, ибо близко спасение ваше! Возьмите грабли смирения и, разбив комя гордыни обиды, разровняйте поле вашей души, чтобы небесный дождь, предшествуя вашему севу, не выпал втуне и милость Божья не была отвергнута вами, как утренняя роса - камнем; но заставьте семена раскрыться и взрастите, как плодородная долина, пышную зелень; я говорю о зелени, дающей плоды истинного мира. Ибо когда земля ваша оденется этой зеленью, Новый Земледелец римлян¹⁰ с большей любовью и доверием впряжет в плуг быков своего совета. Просите, просите уже теперь, о возлюбленнейшие, что наравне со мной пострадали от несправедливости, дабы гектороподобный пастырь¹¹ признал вас овцами из своего стада. Хотя Богом ему дано право карать на земле, он тем не менее, являя доброту того, от кого, как от одной точки, раздваивается власть Петра и кесаря¹², охотно наказывает свою семью, но еще более охотно проявляет по отношению к ней сострадание.

И посему, если тому не препятствует закоренелая вина, которая часто извивается, как змея, и оборачивается против себя самой, отныне вы можете - и те и другие - признать, что каждому из вас уготовливается мир, и вам дано уже предвкушать первые признаки неожиданного счастья. Так пробудитесь же все, о граждане Италии¹³, и поднимитесь навстречу своему королю, предназначенные ему не только как подданные империи, но как свободные люди под его управлением.

Я призываю вас не только подняться ему навстречу, но и выказать восхищение перед его лицом. О вы, что пьете из его рек и плаваете по его морям; вы, что ступаете по песку побережий и вершинам Альп, принадлежащих ему; вы, что пользуетесь всеобщими благами, каковы бы они ни были, и имеете ваше собственное достояние лишь благодаря его закону; не пытайтесь, словно невежды, обманывать самих себя, теша свое сердце словами: "Над нами нет хозяина!" Ибо все окруженное небом есть сад Его и море Его; действительно, "Богу принадлежит море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его". Сотворенные чудеса показывают, что римский правитель назначается Богом, и он же, как свидетельствует церковь, подтверждает это Словом Сына Божья.

Действительно, если незримые деяния Божьи имеют ясные отличия, дабы быть понятыми при помощи того, что уже создано, и если вещи неизвестные открываются нам благодаря известным, несомненно, что умственные способности человека в состоянии по движению неба распознать Движителя и Его волю; и такой predetermined порядок не укроется даже от тех, кто судит поверхностно. В самом деле, если мы вспомним прошедшие времена от первой искры этого огня, то есть с тех пор, когда фригийцы отказали в гостеприимстве аргонавтам¹⁴, и захотим проследить деяния из истории мира вплоть до побед Октавиана¹⁵, мы увидим, что в иных случаях действовали не люди, но Бог, так же как при сотворении нового неба. Нет, не всегда действуем мы сами; напротив, подчас мы являемся орудиями в руках Бога; и человеческая воля, которой от природы свойственна свобода, иной раз поступает вне зависимости от земных чувств и, повинувшись Верховной Воле, часто служит ей, сама о том не подозревая.

И если даже приведенные доводы, лежащие в основе поисков искомого, покажутся недостаточными, кто не согласится со мной под влиянием сделанного ранее заключения и будучи свидетелем мира, который на двенадцать лет собрал под своими крылами всю землю¹⁶ и явил как бы в завершение труда лицо Того, Кто его задумал, - Сына Господнего? И Он, создав человека, дабы придать духу зримые черты, и проповедуя Евангелие на земле, как бы разграничил два царства, разделив все сущее между Собой и кесарем и рассудив, что каждому из них должно принадлежать то, что ему же принадлежит.

Поэтому, если душа упорствует и, все еще не признавая истины, требует новых подтверждений, пусть обратится она к словам связанного Христа. Когда Пилат противопоставил Ему свою власть, Свет наш заявил, что власть, которой похвалялся тот, облеченный ею как наместник кесаря, была дана ему свыше. "Не поступайте как поступают язычники по суетности ума своего"¹⁷, погруженные во мрак; но откройте глаза рассудка вашего и признайте, что Владыка неба и земли предназначил нам монарха. Это тот, кого Петр, наместник Бога, повелевает нам почитать и кого Климент, нынешний преемник Петра, озаряет светом своего апостолического благословения¹⁸; и там, где недостаточно духовных лучей, пусть воссияет менее яркий светоч¹⁹.

Флорентийцам

Данте Алигьери, флорентиец и безвинный изгнанник,- негоднейшим флорентийцам, находящимся в городе.

Милосердное провидение Царя Небесного, которое в доброте своей непрерывно управляет небесами, в то же время за нашими земными делами наблюдая и о них не забывая, определило, чтобы то, что связано с людьми, находилось в ведении Священной Римской империи, дабы смертные пребывали в покое под столь высокой властью и всюду, как того хочет природа, пользовались гражданскими правами. Хотя об этом свидетельствует Слово Божье и хотя это подтверждается, если основываться единственно на поддержке разума, древними писаниями, тем не менее истина сия никак не проявляется, ибо, если пустует императорский престол, весь мир выходит из равновесия, дремлют в ладье Петра кормчий и гребцы и жалкую Италию, брошенную на произвол судьбы, подвластную самозванным властителям, лишенную какой бы то ни было единой власти, сотрясают столь буйные и яростные ветры и волны, что ее состояние не передать словами, и несчастные итальянцы могут с трудом соразмерить его со своими слезами. Поэтому, если с неба не обрушился еще меч Говорящего: "Мне отмщение!" - пусть лица всех, кто с безрассудной самонадеянностью противится очевиднейшей воле Господней, отныне покроются бледностью, ибо близок приговор этого сурового Судии.

Неужели же вы, нарушители Божьих и человеческих законов, кого ненасытная жадность сделала готовыми на любое преступление, не дрожите от ужаса перед второю смертью, уготованной вам за то, что, первые и единственные, вы, ненавидя свободу, поднялись против власти правителя римского, короля всего мира и избранника Господнего, и вопреки

предписанному вам отказались от проявления должной любви и предпочли покорности путь безумного восстания? Может быть, о безрассудные злодеи, вам неизвестно, что общественные законы перестают действовать лишь в том случае, если останавливается время, и что подобные меры бессильны против них? А ведь священными законами и пытливым человеческим разумом установлено, что всеобщая власть, пусть даже ею долго пренебрегали, никогда не умрет и никогда, как бы она ни была слаба, не будет побеждена. Ибо невозможно, не причинив никому ущерба, погубить или хотя бы умалить то, что способствует всеобщему благу. И этого не хотят ни Бог, ни природа, и смертные полностью с ними согласны. Для чего же тогда, побуждаемые тщеславием, словно новоявленные вавилоняне, вы пренебрегаете установленной Богом империей и пытаетесь создать новое царство, как будто флорентийцы - одно, а римляне - совсем другое? И почему с таким же увлечением вы не покусаетесь на монархию апостолическую, с тем чтобы, подобно двум лунам, на небе не появились бы и два солнца?¹ Но если в вас не вселяет ужаса мысль о ваших коварных планах, да внушит ужас вашему закоснелому сердцу хотя бы то, что вы лишились не только мудрости, но даже начала мудрости. В самом деле, нет ничего страшнее положения того преступника, который бесстыдно и не страшась Бога делает все, что ему заблагорассудится. И часто злодей наказуется тем, что, умерев, забывает себя самого, как при жизни он забывал Бога.

Но если ваша упрямая дерзость привела к тому, что, подобно горам Гелвуйским², вы не знаете небесной росы, и если вы не убоялись воспротивиться решениям Вечного Сената и не боитесь того, что не убоялись, - может быть, вас не коснется и страх - страх человеческий и мирской - перед неизбежно приближающейся гибелью вашего надменного племени и вместе с ним вашего постыдного упрямства? О единоклубные в злых начинаниях! О ослепленные диковинной жадностью! Вам не поможет вал, которым вы себя окружили, не помогут стены и башни, когда обрушится на вас страшный орел в золотом поле³. Разве он, паря то над Пиренеями, то над Кавказом, то над Атласами, усиленный воинством небесным, однажды в полете не увидел под собой широкий простор океана? Что поможет вам, о ничтожнейшие из людей, когда вас повергнет в ужас появление того, кто усмирит буйную Гесперию?⁴ Нет, никогда безумная надежда, которую вы тщетно питаете, не поможет вам, с вашим непослушанием; но когда придет законный государь, он еще больше распалится, увидев воздвигнутые вами преграды; и, охваченное гневом, устремится прочь милосердие, которое неизменно сопутствует воинству его; и там, где вы собираетесь отстаивать приют ложной свободы, вы угодите в узилище подлинного рабства. Ибо надлежит помнить, что, согласно удивительному закону Господнему, именно там, где злодей надеется избежать заслуженной кары, она обрушивается на него с большей силой; и тот, кто сознательно противится воле Божьей, сам того не ведая, волей-неволей становится ее орудием.

Охваченные горем, вы увидите разрушенными тараном и испепеленными в огне постройки ваши, не защищенные стенами возрожденного Пергама⁵, сооруженные для ваших нужд и неразумно превращенные в места преступлений. Повсюду вокруг вы увидите смятенный люд, то разделенный мнениями - "за" и "против", то единый в едином желании и устрашающе ропщущий на вас, ибо он не умеет одновременно голодать и бояться. И вам будет больно взирать на разграбленные храмы, в которые каждый день ходят толпы жен, и на изумленных и неразумных детей, вынужденных искупать грехи отцов. И если не обманывается мой вещий ум, который, опираясь на правдивые знамения и на

неопровержимые доводы, предсказывает будущее, вы увидите город, поверженный нескончаемой скорбью, отданный в руки иноземцев, и часть из вас погубит смерть или темница, а немногие оставшиеся в живых будут рыдать и томиться в изгнании. Добавлю вкратце, что за свою приверженность рабству вам не избежать позора и тех же самых несчастий, которые за его верность свободе довелось испытать славному городу Сагунту⁶.

И не храбритесь, вспоминая случайное счастье пармцев⁷, которые, побуждаемые голодом, плохим советчиком и поначалу подбадривавшие друг друга: "Умрем от оружия!" - вторглись в отсутствие императора в императорский лагерь. Ибо, хотя они одержали победу над Победой⁸, они тем не менее извлекли из боли незабываемую боль. Вспомните лучше молнии Фридриха I, подумайте также о Милане и о Сполето⁹, и ваше чересчур надменное нутро, подавленное этими восставшими и тут же разрушенными городами, похолодеет, и сожмутся ваши распалившиеся сердца. О тщеславнейшие из тосканцев, безумцы от природы и от дурных привычек! В отличие от людей зрелых вы не видите, глупцы, как неверны во мраке ночи шаги вашего больного сознания. И люди зрелые и незапятнанные, следуя своим путем, взирают на вас, что стоите чуть ли не на пороге темницы и все-таки отталкиваете того, кому случается пожалеть вас, чтобы он ненароком не избавил вас от тюрьмы и от тяжести наручников и колодок. И, будучи слепыми, вы не замечаете, что именно владеющая вами жадность обольщает вас ядовитыми речами, и помыкает вами при помощи безумных угроз, и насильно втягивает вас в грех, и мешает вам руководствоваться священными, основанными на природной справедливости законами, соблюдение которых, когда оно в радость и по доброй воле, не только не имеет ничего общего с рабством, но, по здравому рассуждению, является проявлением самой совершенной свободы. А что такое свобода, если не свободный переход (который законы облегчают каждому, кто их уважает) от желания к действию? Следовательно, если свободны только те, кто охотно подчиняется законам, то какими считаете себя вы, которые, притворяясь, будто любите свободу, противитесь всем законам и составляете заговор против главного законодателя?

О злосчастнейшее племя фьезоланцев!¹⁰ О варварство, наказанное вторично! Неужели вас недостаточно страшат вкушенные однажды несчастья? Нет, я думаю, что, изображая надежду на лице и в лживых словах, вы заранее трясетесь и почти все время вздрагиваете во сне, уstraшенные предчувствиями, которыми полны ваши души, и возвращаетесь к своим дневным решениям. Но коль скоро, справедливо пребывая в тревожном ожидании, вы сожалеете о своем безумии, нисколько в нем не раскаиваясь, остается запечатлеть в вашем сознании еще кое-что, дабы нотки страха и боли слились с горечью единого раскаяния; а именно то, что защитник Римской империи, божественный и победоносный Генрих, жаждущий не собственной, но всеобщей выгоды, ради нас поставил перед собой трудную задачу, добровольно разделив с нами наши горести, как будто это к нему после Христа обратился пророческий перст пророк Исайя, когда он, говоря о Духе Господнем, предсказал: "Воистину Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни"¹¹. Итак, если вы не желаете больше притворяться, вы увидите, что для вас наступил час горчайшего раскаяния за ваши дерзкие поступки. Но, однако, раскаянием, теперь уже слишком поздним, вы не добьетесь прощения; зато раскаяние явится для вас началом своевременного наказания. Ибо, как гласит Писание, если грешник повержен, да умрет он непременно.

Писано 31 марта на земле Тосканы, близ истоков Арно, в первый год счастливейшего похода императора Генриха в Италию.

Генриху VII, императору

Славнейшему и счастливейшему победителю и единственному владыке, августейшему Генриху, Божьей милостью королю римлян¹, - преданнейшие Данте Алигьери, флорентиец и безвинный изгнанник, и все тосканцы, желающие мира, целуют землю у его ног.

Как свидетельствует о том необъятная любовь Господа, нам оставлено было наследие мира, дабы его удивительная сладостность смягчала суровость нашей жизни и с тем чтобы, постоянно обращаясь к нему, мы достигали бы райского блаженства. Но зависть старого и непримиримого врага, который вечно и исподтишка посягает на благополучие смертных, лишив некоторых людей наследства - данной им свободы воли, жестоко и не по нашей вине ограбила нас в отсутствие нашего заступника². Вот почему мы долго плакали над реками смятения³ и непрерывно призывали на помощь законного короля, который покончил бы с телохранителями жестокого тирана⁴ и восстановил бы нас в наших законных правах. И когда ты, преемник Цезаря и Августа, перешагнув через горные хребты, принес сюда доблестные капитолийские знамена, мы перестали вздыхать, поток наших слез остановился, и над Италией, словно желаннейшее солнце, воссияла новая надежда на лучшее будущее. Многие вместе с Мароном, ликуя, воспевали тогда и царство Сатурна и возвращение Девы⁵.

Но коль скоро некоторым уже кажется, или это подсказывает нам пыл желания либо видимость правды, будто солнце наше остановилось и даже собирается вернуться назад, как бы повинувшись велению новоявленного Иисуса Навина⁶ или Амосова сына⁷, мы, пребывая в неопределенности, вынуждены сомневаться и говорить словами Предтечи: "Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?"⁸ И хотя подолгу вынашиваемое желание, как правило, в своем неистовстве ставит под сомнение вещи, которые, будучи столь близкими, являются несомненными, мы все-таки верим в тебя и надеемся на тебя, в ком узнаем посланника Божьего, и сына церкви, и поборника римской славы. И недаром я, пишущий от имени своего и других, видел тебя, благосклоннейшего⁹, и слышал тебя, милосерднейшего, который облечен императорской властью, и руки мои коснулись твоих ног, и мои уста воздали им по заслугам. И душа моя возликовала, когда я произнес про себя: "Вот Агнец Божий¹⁰, вот тот, который берет на себя грех мира".

Однако нас удивляет твоя столь неожиданная медлительность и то, что ты, давно уже победоносно вступивший в Эриданскую долину¹¹, не думаешь, не помышляешь о Тоскане и пренебрегаешь ею¹², как будто полагаешь, что законы империи, вверенные твоей защите, распространяются лишь на Лигурию, и забываешь, как мы подозреваем, о том, что славная

власть римлян не ограничена ни пределами Италии, ни берегами трирогой Европы¹³. Ибо, хотя ей пришлось в результате перенесенных насилий ограничиться меньшим пространством, она, по неприкосновенному праву достигая повсюду волн Амфитриты¹⁴, достойна того, чтобы окружить себя неприступным валом Океана. Во благо нам писано:

Чудный возникнет из рода Троянского Кесарь, который

Власть Океаном свою ограничит, звездами славу¹⁵.

И когда Август повелел переписать население всего мира (о чем, благовествуя, свидетельствует наш крылатый бык, воспламененный вечным огнем¹⁶), если бы указ этот не исходил от законнейшего владыки, единственный Сын Божий и Сын Пречистой Девы, рожденный в образе человека, дабы указ распространился и на Него, не пожелал бы явиться на свет. Ибо Тот, Кому надлежало здесь во всем поступать справедливо, никогда не допустил бы ничего несправедливого.

Итак, да постыдится тот, кого ждет целый мир, что он так долго находится в сетях столь ограниченной части мира¹⁷; и да не минует внимания августейшего владыки то, что, пока он медлит, тосканская тирания крепнет и набирается сил, изо дня в день подстрекаемая наглými преступниками, творя безрассудство за безрассудством. Пусть еще раз прозвучит глас Куриона¹⁸, обращенный к Цезарю:

Ты, пока недруг дрожит, никакой не поддержанный силой,

Прочь замедленье отринь: созревшее губят отсрочки!

Больше получишь теперь ты за труд и опасность, чем раньше¹⁹.

Пусть еще раз прозвучит глас Анубиса, обрушившийся на Энея²⁰:

Если нисколько таким ты не тронут величьем деяний,

Если и собственной ты не подвигнут славой на подвиг,

То об Аскании²¹ юном, надеждах наследника Юла

Вспомни, о том, кому царство Италии, римские земли

Принадлежать должны!²²

Ибо Иоанн²³, твой царственный первенец и король, которого - после захода ныне восходящего солнца²⁴ - ждет следующее поколение смертных, является для нас вторым Асканием; и он, ступая по следам своего великого родителя, станет, как лев против Турна²⁵, свирепствовать повсеместно, тогда как с латинянами будет вести себя спокойно, как агнец. Пусть помогут высокие советы священнейшего короля, чтобы вновь не прозвучал суд небесный, изреченный некогда в словах Самуила²⁶: "Не малым ли ты был²⁷

в глазах твоих, когда сделался главою колен Израилевых и Господь помазал тебя царем над Израилем? И послал тебя Господь в путь, сказав: "Иди и уничтожай нечестивых Амаликитян"..." Ибо ты тоже был помазан царем, с тем чтобы ты истребил Амалика, и не пощадил Агага, и исполнил месть пославшего тебя на жестокий народ и на преждевременное его торжество (так именно и толкуются именованья Амалик и Агаг).

И весной, и зимой ты сидишь в Милане²⁸, и ты думаешь так умертвить злую гидру, отрубив ей головы? Но если бы ты призвал на память высокие подвиги славного Алкида, ты понял бы ныне, что обманываешься, подобно этому герою; ведь страшное чудовище, роняя одну за другой свои многочисленные головы, черпало силы в собственных потерях, пока наконец благородный герой не поразил его в самые корни жизни. Ибо, чтобы уничтожить дерево, недостаточно обрубить одни только ветви, на месте которых будут появляться новые, более густые и прочные, до тех пор пока остаются здоровыми и нетронутыми питающие дерево корни. Как ты думаешь, о единственный владыка мира, чего ты добьешься, заставив мятежную Кремону²⁹ склонить перед тобой голову? Может быть, вслед за этим не вздуется нарыв безрассудства в Брешии или в Павии? И хотя твоя победа сгладила его, новый нарыв появится тотчас в Верчелли, или в Бергамо, или в другом месте, пока не уничтожена коренная причина болезни и пока не вырван корень зла и не зачали вместе со стволом колючие ветки.

Неужели ты не знаешь, о превосходнейший из владык, и не видишь с высоты своего величия, где нора, в которой живет, не боясь охотников, грязная лисица? Конечно, не в бурном По и не в твоём Тибре злодейка утоляет жажду, но ее морда без конца отравляет воды Арно, и Флоренцией (может быть, тебе неизвестно о том?) зовется пагубная эта чума. Вот змея, бросающаяся на материнское лоно; вот паршивая овца, которая заражает стадо своего хозяина; вот свирепая и злобная Мирра³⁰, что вся пылает, стремясь в объятия отца своего Кинира; вот разъяренная Амата³¹, которая, воспрепятствовав заключению удобного судьбе брака, не убоилась призвать в зятя того, кто не был угоден судьбе; объятая безумием, она подстрекала его к битве и в конце концов, искупая свою вину, повесилась. И действительно, со змеиной жестокостью пытается она растерзать мать, точа мятежные рога на Рим, который создал ее по своему собственному образу и подобию. И действительно, гния, разлагаясь, она испускает ядовитые испарения, от которых тяжело заболевают ничего не подозревающие соседние овцы. И действительно, она, обольщая соседей неискренней лестью и ложью, привлекает их на свою сторону и затем толкает на безумия. И действительно, она страстно жаждет отцовских объятий и в то же время при помощи гнусных соблазнов силится лишить тебя благосклонности понтифика, являющегося отцом отцов³². И действительно, она противится велениям Господа, боготворя идола собственной прихоти; и, презирая законного короля своего, она не стыдится, безумная, обсуждать с чужим королем чужие законы, дабы быть свободной в дурных деяниях. Да сунет злодейка голову в петлю, в которой ей суждено задохнуться! Ибо преступные замыслы вынашиваются до той поры, пока охваченный ими не совершит противозаконных поступков. И, несмотря на незаконность этих поступков, наказание, которое ждет совершившего их, нельзя не признать законным.

Итак, откажись от какого бы то ни было промедления, о новый сын Исайи, и почерпни веру в себя в очах Господа Саваофа, перед лицом Которого ты действуешь, и срази этого Голиафа пращей мудрости твоей и камнем силы твоей, и после его падения ночь и мрак ужаса повиснут над лагерем филистимлян, и обратятся в бегство филистимляне, и Израиль будет освобожден. И тогда наследие наше, потерю которого мы не переставая оплакиваем, будет полностью нам возвращено. И, как ныне, вспоминая о священном Иерусалиме, мы стенаем, изгнанные в Вавилон³³, так тогда, обретя гражданские права, отдыхая в состоянии полного мира, счастливые, мы вспомним испытания смутной поры.

Писано в Тоскане, близ истоков Арно³⁴, апреля семнадцатого дня в год первый³⁵ счастливейшего прихода божественного Генриха в Италию.

Императрице Маргарите

Славнейшей и милосерднейшей владычице, госпоже Маргарите Брабантской¹, волею провидения Господнего августейшей королеве римлян,- Герардеска ди Батифолле², милостью Божьей и императора палатинская графиня в Тоскане, свидетельствует нижайшее почтение и столь же должную, сколь преданнейшую покорность.

Любезнейшее послание, которым благосклонно удостоила меня Ваша Светлость, порадовало мои глаза, и руки мои приняли его с подобающим почтением. И в то время как содержание письма, проникая в мой разум, наполняло его сладостью, душу читающей охватило такое пламя преданности, какое никогда не сможет погасить забвение и какое невозможно будет вспоминать без радости. Ибо кто я, кто я такая, чтобы могущественнейшая супруга кесаря³ снисходила до разговора со мной о супруге своем и о себе (да будет их благополучие вечным!)? В самом деле, ни заслуги, ни достоинства пишущей не давали оснований для оказания ей столь великой чести. Но верно и то, что именно так следовало поступить той, кто стоит на верхней ступени человеческой иерархии⁴ и должна служить для низестоящих живым примером святой человечности.

Не в силах человеческих воздать Богу достойную хвалу, но, несовершенный по природе, он может иногда молить всемогущего Господа о помощи. И пусть двор звездного царства будет потревожен справедливыми и чистосердечными молениями, и пусть усердие молящей заслужит благоволения Вечного Владыки Вселенной, и да вознаградит Он столь великую снисходительность. Да прострет Он десницу Своей милости для исполнения надежд цезаря и Вашей августейшей особы, и да поможет Бог, для блага человечества подчинивший власти римского императора все народы, и варварские, и цивилизованные, прославленному и победоносному Генриху возродить род человеческий к лучшей жизни в нашем безумном веке.

Императрице Маргарите

Светлейшей и благочестивейшей владычице госпоже Маргарите, волею Божьей августейшей королеве римлян,- преданнейшая ей Герардеска ди Батифолле, милостью Божией и императорским соизволением палатинская графиня в Тоскане, смиренно преклонив колена, свидетельствует должное почтение.

С наивысшим благоговением, на какое я только способна, я получила дарованное мне Ваше царственное послание и почтительно с ним ознакомилась. Но я предпочитаю, как лучшему из посланий, доверить молчанию то, какая радость озарила мне душу, когда я дошла до слов, из которых узнала о славных успехах, счастливо сопутствующих Вам в Италии¹; ибо не хватает слов, чтобы выразить это, когда разум и тот подавлен и как бы охвачен восторженным опьянением. Да восполнит воображение Вашего Высочества² то, чего не в состоянии выразить смирение пишушей. Но хотя полученные известия были восприняты мною с несказанной радостью и благодарностью, тем не менее надежда, разрастающаяся все шире, несет в себе основания для будущей радости и упований на торжество справедливости. И действительно, я надеюсь, веруя в Небесное провидение, которое, по моему твердому убеждению, никогда нельзя обмануть или остановить и которым для рода человеческого предусмотрен единый Владыка, Что счастливое начало царствования Вашего перейдет в неизменное и еще более счастливое процветание. Так что, молясь о делах нынешних, равно как и о грядущих, я без колебаний обращаюсь к милосерднейшей и августейшей императрице, если это уместно, с мольбою о том, чтобы она сооблаговолила принять меня под свое надежнейшее высокое покровительство, дабы я всегда была защищена (и верила всегда, что защищена) от любого злого несчастья.

Императрице Маргарите

Достославнейшей и милосерднейшей владычице госпоже Маргарите, Божественным провидением августейшей королеве римлян,- преданнейшая ей Г. ди Батифолле, милостью Божьей и милостью императора графиня палатинская в Тоскане, с величайшей готовностью приносит в дань себя саму и свою добровольную покорность.

Когда послание Вашей Светлости появилось перед очами той, что пишет Вам и счастлива за Вас, моя искренняя радость подтвердила, насколько души верноподданных радуются великим успехам своих владык; ибо из содержащихся в нем известий я с полной отрадою сердца узнала, как десница Всевышнего Царя помогает сбыться чаяниям кесаря и августейшей императрицы. Засвидетельствовав свою верность, я дерзаю выступить в роли просительницы.

И посему, уповая на благосклонное внимание Вашего Высочества, я смиренно молю и покорно прошу Вас сооблаговолить вновь взглянуть глазами разума на искренность моей

преданности, уже не раз подтвержденную. Но коль скоро в некоторых местах королевское послание, если я не ошибаюсь, содержало отвечающую моим желаниям просьбу сообщить Вашему Королевскому Высочеству, если представится случай направить посланника, что-нибудь о себе, я, несмотря на то что это представляется мне в определенной степени самонадеянным, покорюсь исключительно ради самой покорности Вам. Узнайте же, милосердная и светлейшая владычица римлян, ибо Вы повелели так, что при посылке настоящего письма любимейший мой супруг и я пребывали милостью Божьей в отменном здоровье, радуясь цветущему здоровью наших детей и счастливые более обычного настолько, насколько признаки возрождающейся империи предвещали приближение лучших времен.

Отправлено из замка Поппи¹ 18 мая в год первый счастливейшего прихода императора Генриха в Италию.

Итальянским кардиналам

[Итальянским кардиналам - Данте Алигьери из Флоренции¹.]

"Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал как вдова²; великий между народами...". Жадность владык фарисейских³, которая одно время покрыла позором старое священство, не только отняла у потомков Левия их назначение, передав его другим, но и навлекла на избранный город Давидов осаду и разорение. Глядя на это с высоты своего величия, Тот, Кто единственно вечен через посредство Святого Духа просветил в меру его восприимчивости достойный Господа ум пророчествующего человека⁴; и последний вышеупомянутыми и, увы, слишком часто повторяемыми словами оплакал развалины священного Иерусалима.

Мы же, исповедующие⁵ Отца и Сына, Бога и Человека, Мать и Пречистую Деву, мы, для кого и ради спасения которых Христос сказал тому, кого Он трижды вопрошал о любви: "Петр, паси овец Моих" (то есть священную паству), принуждены ныне скорбеть⁶, не оплакивая вместе с Иеремией будущие беды, а взирая на существующие, над Римом овдовевшим и покинутым, над тем Римом, который после стольких победных торжеств Христос и словом и делом утвердил владыкой мира, а Петр и апостол язычников Павел кровью своей освятили как апостолический престол⁷.

Не меньше, увы, чем зрелище ужасной язвы ереси, нас огорчает то, что распространители безбожия - иудеи, сарацины и язычники - глумятся над нашими субботами и, как известно, вопрошают хором: "Где Бог их?" - и что, быть может, они приписывают это своим козням⁸ и власти владыки отверженных, действующим наперекор ангелам-защитникам; и, что еще ужаснее, иные астрологи и невежественные пророки утверждают, будто необходимость указала вам на того, кого, злоупотребляя свободой воли, вы хотели бы избрать.

В самом деле, вы, находящиеся в первых рядах центурионы воинствующей церкви, не считая нужным направлять колесницу Невесты Распятого по начертанному пути, сбились, подобно неумелому вознице Фазтону, с дороги. И вы⁹, которые должны были через непроходимую чащу земного паломничества осторожно провести идущее за вами стадо, привели его вместе с собой к пропасти. Разумеется, я не предлагаю примеры, которым надлежит следовать вам, чьи спины, а не лица обращены к колеснице Невесты и кого, несомненно, можно сравнить с теми, на кого было указано Пророку и кто дерзко отвернулся от храма; вам, которые презираете огонь, посланный небом туда, где ныне пылают ваши жертвенники, возжженные от чужих искр; вам, продающим голубей в храме, где вещи, которые не подобает измерять ценою денег, сделались продажными во вред тем, кто его посещает. Но подумайте о биче, подумайте об огне! Не искушайте терпения Того, Кто ждет вас с покаянием. Если пропасть, на самом краю которой вы находитесь ныне, породит в вас сомнение, что скажу я на это, кроме того, что вы решили избрать Алкима, следуя воле Димитрия?¹⁰

Возможно, вы воскликнете с гневным упреком: "А кто он такой, что, не боясь кары, неожиданно постигшей Озу, дерзает придерживать наклонившийся ковчег?"¹¹ Я всего-навсего одна из ничтожнейших овец на пастбищах Иисуса Христа; и я не имею в стаде никакой власти, ибо у меня нет богатств. Следовательно, не благодаря достоянию, а милостью Божьей являюсь я тем, кто я есть. И "ревность по дому Твоем снедает меня"¹². Ибо даже из уст грудных детей и младенцев прозвучала угодная Богу истина; и рожденный слепым разгласил истину эту, которую фарисеи не только замалчивали, но по своему коварству силились исказить. Вот в чем оправдание моей смелости. И кроме того, со мною заодно Учитель знающих, который, излагая моральные науки, провозгласил, что истина превыше всех друзей¹³. Не самонадеянность Озы, совершившего грех, в котором кое-кто мог бы упрекнуть и меня, как если бы я из дерзости взялся не за свое дело, руководит мною; ибо он придерживал ковчег, тогда как мое внимание сосредоточено на брыкающихся и увлекающих колесницу в непроходимые дебри быках¹⁴. А о колеблющемся ковчеге позаботится Тот, Кто открыл некогда всевидящие очи для спасения корабля, колеблющегося на волнах.

Мне не кажется поэтому, будто я обидел кого-то настолько, чтобы он стал браниться; скорее, я заставил вас и других, лишь по званию пастырей, покрыться краскою смущения (если, конечно, в мире еще остался стыд), ибо в предсмертный час Матери-Церкви среди множества берущих на себя роль пастыря стольких овец, неухоженных и плохо охраняемых на пастбищах, раздается одинокий голос, одинокий жалобный голос, да и тот светский.

И что тут удивительного? Каждый избрал себе в жены алчность¹⁵, как поступили и вы сами,- алчность, которая никогда, в отличие от бескорыстия, не порождает милосердия и справедливости, но всегда порождает зло и несправедливость. О нежнейшая Мать, Невеста Христова, которая от воды и Духа рождаешь сыновей, тебя же позорящих! Не милосердие, не Астрея¹⁶ а дочери Вампира стали твоими невестками. А примером тому, что за детей они рожают, служат сами же дети, за исключением епископа из Луни¹⁷. Григорий твой покоится в паутине¹⁸, Амвросий¹⁹ лежит забытый в шкафах клириков, и Августин²⁰ вместе с ним, рядом пылятся Дионисий²¹, Иоанн Дамаскин²² и Беда²³; а вместо них вы

обращаетесь к некому "Зерцалу", Иннокентию и епископу Остии²⁴. А почему бы не так? Одни искали Бога как конечную цель и как высшее добро, другие гонятся за пребендой²⁵ и за выгодой.

Но не думайте, о Отцы, будто я единственная на всей земле птица Феникс²⁶. Ибо о том, о чем я кричу во весь голос, остальные либо шепчут, либо бормочут, либо думают, либо мечтают. Чего же они скрываются? Одни - это верно - растеряны от удивления; неужели же они вечно будут молчать и ничего не скажут своему Создателю? Жив Господь: ибо Тот, Кто расшевелил язык Валаамовой ослицы²⁷, и для нынешнего скота является Господом.

Вот я и заговорил - вы меня вынудили. Стыдитесь же, что укор и увещания обращены к вам снизу, а не с неба, дабы, раскаявшихся, оно вас простило. С нами поступают справедливо, стремясь поразить нас там, где возможно пробудить наш слух и другие чувства, чтобы стыд породил в нас раскаяние - своего первенца, а оно в свою очередь - желание исправиться.

И дабы достойное славы благородство сопутствовало этому стремлению и поддерживало его, нужно, чтобы вы увидели глазами разума, каков он, город Рим, лишенный ныне и того и другого светоча²⁸, пребывающий в одиночестве и вдовстве, способный вызвать сострадание у самого Ганнибала. И слова мои обращены главным образом к вам, которые детьми узнали священный Тибр. Ибо если столицу Лациума подобает любить и почитать всем итальянцам как родину собственных гражданских установлений, тем более справедливо вам почитать ее, коль скоро она еще и ваша родина²⁹. И если перед лицом нынешних несчастий итальянцев сразила скорбь и смутило чувство стыда, как не краснеть вам и не предаваться скорби, раз вы являетесь причиной ее неожиданного затмения, подобного затмению солнца? И прежде всего ты, Орсини³⁰, ты виноват в том, что твои лишённые сана коллеги³¹ остались обесславленными и только властью апостолического Иерарха им были возвращены почетные эмблемы воинствующей церкви, которые их, быть может преждевременно и несправедливо, заставили снять. И ты тоже, последователь высокой затибрской партии³², который поступил точно так же, дабы гнев усопшего понтифика пустил в тебе ростки и они стали бы твоей неотъемлемой частью, как привитая к чуждому стволу ветка. И ты мог, как если бы тебе недостаточно было трофеев, собранных в завоеванном Карфагене, обратить против родины славных Сципионов эту свою ненависть и твой здравый смысл не воспротивился ей?

Но положение, несомненно, может быть исправлено (лишь бы шрам от позорного клейма не обесславил священный престол настолько, что явится огонь, шадящий нынешние небеса и землю), коль скоро все вы, виновники столь глубокого беспутства, единодушно и мужественно будете бороться за Невесту Христову, за престол Невесты, которым является Рим, за Италию нашу и, наконец, за всех смертных - ныне паломников на земле; дабы на поле уже начавшегося сражения, к которому со всех сторон, даже с берегов Океана, обращаются озабоченные взоры, вы сами, предлагая себя в жертву, могли услышать: "Слава в вышних!" - и дабы позор, ожидающий гасконцев, которые, пылая столь коварною жаждой,

стремятся обратить в свою пользу славу латинян, служил примером потомкам во все будущие века.

[Флорентийскому другу]

Внимательно изучив Ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением, и с чувством признательности, я с благодарностью душевной понял, как заботитесь Вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным Вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на Ваши письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу Вас тщательно его обдумать и внимательно изучить, прежде чем составить о нем окончательное суждение.

Благодаря письмам Вашего и моего племянника и многих друзей вот что дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как Ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигьери приглашают вернуться на родину, после того как он почти добрых три пятилетия¹ промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невиновность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы по примеру Чоло² и других гнусных злодеев пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытав на себе зло, платил дань как людям достойным тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала Вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если не один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того, обесчещенный в глазах моих сограждан? И конечно, я не останусь без куска хлеба!³

К Кангранде делла Скала

Благородному и победоносному господину, господину Кангранде делла Скала, наместнику священной власти кесаря в граде Вероне и в городе Виченца¹, - преданнейший ему Данте Алигьери, флорентиец родом, но не нравами, желает долгих лет счастливой жизни, а имени его - постоянного преумножения славы.

Воздаваемая Вашему великолепию хвала, которую неустанно распространяет летучая молва, порождает в людях настолько различные мнения, что в одних она вселяет надежду на лучшее будущее, других повергает в ужас, заставляя думать, что им грозит уничтожение. Естественно, подобную хвалу, что превышает любую иную, венчающую какое бы то ни было деяние современников, я находил подчас преувеличенной и не соответствующей истинному положению вещей. Но дабы излишне длительные сомнения не удерживали меня в неведении, я, подобно тому как царица Савская² искала Иерусалим, а Паллада - Геликон³, я искал и обрел Верону, желая собственными глазами взглянуть на то, что я знал понаслышке. И там я стал свидетелем Вашего великолепия; я стал также свидетелем благодеяний и испытал их на себе; и как дотоле я подозревал преувеличенность в разговорах, так узнал я впоследствии, что деяния Ваши заслуживают более высокой оценки, чем даются им в этих разговорах. Поэтому если в результате единственно слышанного мною я был, испытывая в душе некоторую робость, расположен к Вам прежде, то, едва увидев Вас, я сделался преданнейшим Вашим другом.

Я не считаю, что, назвавшись Вашим другом, рискую навлечь на себя, как решили бы некоторые, обвинения в самонадеянности, ибо священные узы дружбы связывают не столько людей равных, сколько неравных⁴. Достаточно взглянуть на дружбы приятные и полезные, и внимательный взор увидит, что большие люди чаще всего дружат с теми, кто меньше их. И если обратиться к примерам истинной и верной дружбы, разве не станет очевидным, что многие славные и великие князья дружили с людьми незавидной судьбы, но завидной честности? А почему бы и нет? Ведь не мешает же огромное расстояние дружбе между человеком и Богом! И коль скоро кто-нибудь усмотрит в сказанном здесь нечто недостойное, пусть внимает он Святому Духу, указующему, что Он привлек к своему содружеству некоторых людей. Так, в Книге Премудрости сказано, что премудрость "есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом..."⁵. Но невежественный люд неразумен в своих суждениях, и подобно тому, как он считает диаметр Солнца равным одному футу, так и относительно той или иной вещи он по собственной наивности судит неверно. Те же, кому дано знать наилучшее в нас, не должны плестись в хвосте у стада, но, напротив, призваны противостоять его ошибкам, ибо сильные разумом и одаренные определенной божественной свободой не знают власти каких бы то ни было привычек⁶. Это не удивительно, ибо не они исходят из законов, а законы исходят от них. Следовательно, как я говорил выше, моя преданнейшая дружба не имеет ничего общего с самонадеянностью.

Противопоставляя Вашу дружбу всему иному как драгоценнейшее сокровище, я желаю сохранить ее исключительно бережным и заботливым к ней отношением. Однако, коль скоро в правилах о морали философия учит⁷, что для того, чтобы не отстать от друга и сохранить дружбу, необходимо некоторое соответствие в поступках, мой священный долг - дабы отплатить за оказанные мне благодеяния - поступить соответственно: для этого я внимательно и не один раз пересмотрел безделицы, которые мог бы Вам подарить, и все, что отобрал, подверг новому рассмотрению, выбирая для Вас наиболее достойный и приятный подарок. И я не нашел для столь большого человека, как Вы, вещи более подходящей, нежели возвышенная часть "Комедии", украшенная заглавием "Рай"⁸; и ее вместе с этим письмом, как с обращенным к Вам эпитафием, Вам посвящаю, Вам преподношу. Вам, наконец, вручаю.

Горячее чувство к Вам все же не позволяет мне обойти молчанием следующее: может показаться, что подобный подарок способствует скорее славе и чести господина, чем дара; более того, многие из тех, кто обратил внимание на это заглавие, сочли, будто посредством его я предсказал возрастающую славу Вашего имени. Таково и было мое намерение. Но стремление добиться Вашей милости, которой я так жажду, невзирая на зависть, побуждает меня скорее устремиться к тому, что и было моей целью⁹ с самого начала. Итак, заканчивая то, что надлежало сказать в эпистолярной форме, я в качестве комментатора собираюсь предварить свой труд немногими словами, которые и предлагаю вашему вниманию.

Вот что говорит Философ¹⁰ во второй книге "Метафизики": "Точно так же, как вещь связана с существованием, она связана с истиной"; это происходит по той причине, что истина некой вещи, заключенной в истине как в своем субъекте, есть совершенное подобие самой вещи. Действительно, некоторые из существующих вещей таковы, что несут абсолютную жизнь в самих себе, а другие таковы, что их существование находится в зависимости от чего-то иного, с чем они определенным образом связаны, подобно тому как можно существовать во времени и быть связанным с другим, как связаны отец и сын, господин и раб, двойное количество и половина, целое и часть и прочее в этом роде. И так как существование их зависит от чего-то иного, следовательно, их истина зависит от чего-то иного. В самом деле, не зная половины, никогда не узнать двойного количества; то же можно сказать обо всем остальном.

Следовательно, те, кто желает сделать введение к части какого-либо произведения, должны сообщить какие-то сведения и о целом, в которое входит часть. Поэтому я, также желая изложить в виде введения кое-что об упомянутой выше "Комедии", счел своим долгом предпослать некоторые объяснения всему произведению, дабы можно было легче и полностью войти в его часть. Всякий ученый труд начинается с изыскания шести вещей, а именно: предмета, лица, от которого ведется повествование, формы, цели, заглавия книги и рода философии¹¹. Среди этих вещей имеются три, коими часть, которую я решил посвятить Вам, отличается от им подобных: предмет, форма и заглавие; достаточно взглянуть на другие три - и станет ясно, что они лишены таких отличий. Посему в рамках целого следует отдельно найти эти три вещи, что и даст достаточный материал для введения в часть. Затем мы займемся поисками трех других не только по отношению к целому, но и по отношению к той части, которую я дарю Вам.

Чтобы понять излагаемое ниже, необходимо знать, что смысл этого произведения непросто; более того, оно может быть названо многосмысленным¹², то есть имеющим несколько смыслов, ибо одно дело - смысл, который несет буква, другое - смысл, который несут вещи, обозначенные буквой. Первый называется буквальным, второй - аллегорическим или моральным. Подобный способ выражения, дабы он стал ясен, можно проследить в следующих словах: "Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова из народа иноплеменного. Иуда сделался святынею Его, Израиль - владением Его"¹³. Таким образом, если мы посмотрим лишь в букву, мы увидим, что речь идет об исходе сынов Израилевых из Египта во времена Моисея; в аллегорическом смысле здесь речь идет о спасении, дарованном нам Христом; моральный смысл открывает переход души от плача и от тяжести греха к блаженному состоянию; анагогический - переход святой души от рабства нынешнего разврата к свободе вечной славы. И хотя эти таинственные смыслы называются по-разному, обо всех в целом о них можно говорить как об аллегорических, ибо они отличаются от смысла буквального или исторического. Действительно, слово "аллегория" происходит от греческого *alleon* и по-латыни означает "другой" или "отличный"¹⁴.

Если понять это правильно, становится ясным, что предмет, смысл которого может меняться, должен быть двояким. И потому надлежит рассмотреть отдельно буквальное значение данного произведения, а потом, тоже отдельно, - его значение аллегорическое. Итак, сюжет всего произведения, если исходить единственно из буквального значения, - состояние душ после смерти как таковое¹⁵, ибо на основе его и вокруг него развивается действие всего произведения. Если же рассматривать произведение с точки зрения аллегорического смысла - предметом его является человек, то - в зависимости от себя самого и своих поступков - он удостоивается справедливой награды или подвергается заслуженной каре.

Форм - две: форма трактуемого и форма трактовки. Форма трактуемого делится на три части согласно трем видам деления. Первый вид: все произведение задумано в трех кантиках; второй вид: каждая часть делится на песни; третий вид: каждая песнь делится на терцины, форма (вид) трактовки¹⁶ - поэтическая, вымышленная, описательная, с отступлениями и, кроме того, определительная, разделительная, убеждающая, укоризненная и с точки зрения примеров - положительная.

Заглавие книги нижеследующее: "Начинается "Комедия" Данте Алигьери, флорентийца родом, но не нравами". По этому поводу необходимо знать, что слово "комедия" происходит от выражений "*comos*" - "сельская местность" и также "*oda*" - "песнь"¹⁷, следовательно, комедия приблизительно то же самое, что деревенская песня. В самом деле, комедия есть вид поэтического повествования, отличный от всех прочих; своею сущностью она отличается от трагедии тем, что трагедия в начале своем восхитительна и спокойна, тогда как в конце смрадна и ужасна. Потому и называется она трагедией - от "*tragos*" ["козел"] и "*oda*" ["песнь"], означая примерно "козлиная песня", то есть смердящая будто козел, как явствует из трагедий Сенеки. Комедия же начинается печально, а конец имеет счастливый, как явствует из комедий Теренция. Вот почему некоторые авторы приветственных посланий обычно придавали посланию "трагическое начало и комичный

конец". Трагедия и комедия отличаются друг от друга и стилем: в одном случае он приподнят и возвышен, в другом - сдержан и низок, как это угодно Горацию, когда он утверждает в своей "Поэтике", что авторы комедий иной раз говорят как авторы трагедий и наоборот:

Но иногда и комедия голос свой возвышает.

Так раздраженный Хремет порицает безумного сына

Речью, исполненной силы: нередко и трагик печальный

Жалобы стон издает языком и простым и смиренным¹⁸.

Этим объясняется, почему данное произведение названо "Комедией"; если мы обратимся к содержанию, то в начале оно ужасно и смрадно, ибо речь идет об аде, а в конце - счастливо, желанно и благодатно, ибо речь идет о рае. Если мы рассмотрим язык, он - сдержан и смиренен, ибо это вульгарное наречие, на котором говорят простолюдинки¹⁹. Существуют и другие формы поэтического повествования, а именно буколическая песня, элегия, сатира и посвящение²⁰, о чем также свидетельствует "Поэтика" Горация, но они не имеют никакого отношения к данному произведению.

Теперь может стать ясным, как определить предмет даруемой части. Ибо, если предметом всего произведения с точки зрения буквы является "состояние душ после смерти, не определенное, а общее", делается очевидным, что предмет этой части есть некое состояние, но уже определенное, то есть "состояние блаженных душ после смерти". И коль скоро предметом всего произведения с точки зрения аллегорического смысла является человек, то, как - в зависимости от себя самого и своих поступков - он удостоивается справедливой награды или подвергается заслуженной каре, становится очевидным, что предмет этой части - определенный, а именно человек и то, как он заслуженно удостоивается справедливой награды.

То же самое следует сказать о форме части по отношению к форме целого. Таким образом, если все произведение делится на три части, в данной части имеются два вида деления - деление самой части и деление песней. Причем собственная ее форма делает невозможным для нее деление на три части, ибо эта часть сама является частью такого деления.

То же относится и к заглавию книги: коль скоро заглавие всего произведения - "Начинается "Комедия"..." и так далее, согласно сказанному выше, заглавие этой части будет следующим: "Начинается часть третья "Комедии" Данте..." - и так далее, название которой "Рай".

Установив эти три вещи, коими часть отличается от целого, рассмотрим остальные три, которыми она несколько не отличается от целого. Лицо, ведущее повествование и там и тут,- одно, мною уже упомянутое, что совершенно очевидно.

Цель целого и части может быть многообразна, то есть быть близкой или далекой. Но, оставив всякие тонкости изысканий, нужно кратко сказать, что цель целого и части - вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья²¹.

Род философии, являющийся исходным для целого и для части,- моральное, или же этическое, действие²², ибо целое задумано не ради созерцания, а ради действия. И хотя в некоторых местах или отрывках повествование носит характер созерцательный, это происходит благодаря действию, а не созерцанию, ибо, как говорит Философ во второй книге "Метафизики", "практики иной раз одновременно созерцают вещи в их различных отношениях".

Рассмотрев предварительно эти вопросы, следует перейти, после того как мы уже частично затронули его, к вопросу о буквальности; но необходимо отметить сначала, что вопрос о буквальности есть не что иное, как проявление формы произведения. Данная часть, или часть третья, названная "Раем", делится главным образом на две части, а именно на пролог и на осуществление замысла. Вторая часть начинается со следующих слов: "Встает для смертных разными вратами..."²³

О первой части нужно знать, что, хотя по общепринятому суждению она может называться вступлением, тем не менее ее должно называть не иначе как прологом в собственном смысле слова, о чем как будто говорит философ в третьей книге "Риторики", в том месте, где он утверждает, что "введение есть начало в риторической речи, как пролог - в поэзии и прелюдия - в музыке". Следует также отметить, что пролог, который вообще может называться вступлением, строится поэтами иначе, нежели риториками. В самом деле, риторики обычно начинали с того, что помогало бы им овладеть душой слушателя. Поэты поступают так же, но прибавляют к введению еще какой-либо призыв. Это нужно им, ибо, прибегнув к великой мольбе, они должны вдобавок к общечеловеческому призыву испросить у высших субстанций почти Божественный дар. Таким образом, данный пролог распадается на две части: первая предвещает, о чем пойдет речь, вторая содержит призыв к Аполлону и начинается словами: "О Аполлон, последний труд свершая..."²⁴

Относительно первой части надлежит отметить, что, дабы как следует начать, нужны три вещи, о которых говорит Туллий в "Новой риторике"²⁵, а именно: необходимо заручиться благосклонностью, вниманием и послушанием читателя; это особенно важно, по мнению того же Туллия, для сюжета, носящего удивительный характер. И коль скоро материал, лежащий в основе данного сочинения, удивителен по своему характеру, чтобы добиться этих трех моментов, следует стараться с самого начала вступления или пролога поразить читателя. Автор говорит, что речь пойдет о том, что он сумел запомнить из виденного им на первом небе. Эти слова несут в себе все три названные вещи, ибо полезность того, о чем

будет говориться, порождает благосклонность, удивительный характер повествования - внимание, его вероятность - жажду знать. Полезность явствует из слов автора о том, что он желает говорить о вещах, которые приятностью своей пробуждают в людях сильную жажду, а именно о радостях рая. Пролог становится удивительным там, где он обещает, что речь пойдет о вещах столь высоких и возвышенных, как описание Небесного царства. Вероятность становится очевидной, когда автор говорит, что он расскажет о том, что сумел запечатлеть в своем сознании, ибо, если сумел он, смогут и другие. Все эти вещи сочетаются в словах о том, что он побывал на первом небе и хочет рассказать о Небесном царстве все, что смог о нем запомнить. Рассмотрев достоинства первой части пролога, перейдем к буквальному смыслу.

Он гласит, что "Лучи Того, Кто движет мирозданием"²⁶, то есть Бога, "Все пронизают славой и струят / Где - большее, где - меньшее сиянье". То, что они струят свое сияние повсеместно, подтверждается доводом и ссылками на авторитеты. Довод таков: все сущее обязано существованием самому себе или другому сущему. Но очевидно, что быть обязанным существованием себе самому пристало лишь одному, а именно первому, или началу, то есть Богу. И коль скоро существовать не значит обязательно существовать самому по себе, а существовать обязательно самому по себе надлежит лишь одному, а именно первому, или началу, являющемуся причиной всего, все существующие вещи, за исключением его одного, обязаны своим существованием другому. Следовательно, если взять какое угодно существо во Вселенной, очевидно, что оно обязано своим существованием кому-то другому и что то, кому оно обязано своим существованием, существует само по себе либо благодаря другому. Если само по себе, тогда оно - первое; если же благодаря другому, то это другое точно так же существует само по себе или благодаря другому. И можно было бы продолжать в том же роде до бесконечности, рассуждая о действенных причинах, как явствует из второй книги "Метафизики". Но коль скоро это невозможно, вернемся к первому, то есть к Богу. Итак, все сущее обязано прямо либо косвенно своим существованием Ему; следовательно, вторая причина, исходя из первой, создает в том, кто является ее следствием, как бы зеркало, которое принимает свет и отражает его, так что первая причина есть причина главная. Об этом говорится в книге "О причинах"²⁷: "Всякая первопричина оказывает на свое следствие большее влияние, нежели вторая общая причина". Но это о том, что касается существования.

Что же касается сущности, то я рассуждаю так: всякая сущность, за исключением первой, является следствием; в противном случае было бы немало таких, которые обязательно имели бы место сами по себе, что невозможно. Следствие порождается либо природой, либо разумом; и порожденное природой порождается разумом, ибо природа есть творение разума.

Все являющееся следствием является, таким образом, прямым или косвенным порождением разума. Таким образом, добродетель следует за субстанцией, ей соответствующей; если же субстанция интеллектуальна, следствие ее может быть только интеллектуальным. Поэтому и мы обязаны восходить к первой причине во всем, что касается существующего. Подобным же образом должны мы поступить и с добродетелью, поскольку очевидно, что каждая субстанция и каждая добродетель происходит от

первопричины и что низшие умы воспринимают свет как бы от солнца и, подобно зеркалу, отражают свыше лучи на тех, что ниже их. Об этом, сдается, ясно говорит Дионисий²⁸, когда рассуждает о небесной иерархии. То же самое сказано в книге "О причинах": "Всякий интеллект полон форм". Следовательно, видно, каким образом Божественный свет, то есть Божья доброта, мудрость и сила, повсеместно отражается.

Так же как наукой, это подтверждается авторитетными источниками. Например, Святой Дух говорит, по словам Иеремии: "Не наполняю ли Я небо и землю?"²⁹ - и далее в Псалме: "Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли в преисподнюю, и там Ты. Возьму ли крылья"³⁰ - и так далее. И в Книге Премудрости написано, что "Дух Господа наполняет Вселенную"³¹. И в сорок втором стихе "Екклесиаста": "Славой Господа полны творения Его". То же подтверждается книгами язычников, ибо Лукан³² в девятой книге говорит: "Куда ни обратишь взор, куда ни ступишь ногой - повсюду Юпитер".

Следовательно, верно сказано, что Божий луч или Божья слава все проникает и во всем отражается. Проникает - относится к сущности; отражается - к существованию. То большее или меньшее, что возникает затем, несет в себе очевидную истину, ибо мы видим, что одно стоит на более высокой ступени, другое - на более низкой, как небо и элементы: первое - нетленно, тогда как вторые - тленны.

Предпослав своему повествованию эту истину, автор переходит к раю, сообщая, что он "в тверди был, где свет их восприят / Всего полней"³³, то есть в том месте, которое больше получает Божьей славы. Необходимо знать, что эта твердь есть высшее небо, объемлющее все тела, тогда как его никто не объемлет; на нем все тела находятся в движении, в то время как оно само остается в состоянии вечного покоя и сила его не зависит ни от одной телесной субстанции. И оно называется Эмпиреем³⁴, и это то же самое, что небо, охваченное огнем или пламенем, но не материальным, а духовным, каким является святая любовь или милосердие.

В подтверждение того, что оно получает больше всего Божественного света, можно привести два аргумента. Первый - в подтверждение того, что оно объемлет все и ничем не объемлемо; второй - в подтверждение его вечного покоя или мира. Аргумент первый: объемлющее является таковым по отношению к объемлемому, как формирующее по отношению к формируемому, о чем свидетельствует четвертая книга "Физики". Во Вселенной первое небо есть то, что объемлет все, следовательно, оно по отношению ко всему является тем же, чем является формирующее по отношению к формируемому, иначе говоря, выступает в роли причины. И коль скоро всякая причинная сила есть некий луч, исходящий от первопричины, каковая - Бог, очевидно, что это небо, у которого больше причинных свойств, получает больше Божественного света.

Что касается второго аргумента, то он заключается в следующем: все движущееся приводится в движение чем-то, чего само оно лишено и что является целью его движения;

так, например, небо Луны, поскольку некая его часть не достигла цели, к которой оно стремится, и поскольку ни одна из его частей не достигла какого-нибудь предела (достичь которого она, в сущности, никогда и не может),- оно движется, стремясь к иному положению, которое также находится в вечном движении, что и соответствует желанию этого неба. И то, что я говорю о небе Луны, относится и ко всем остальным, исключая первое. Таким образом, все движущееся имеет какой-то изъян, и не вся его сущность сосредоточена в нем самом. Небо же, которое никем не приводится в движение, заключает в себе самом и в любой своей части все то, что может находиться в степени совершенства, так что при своем совершенстве не нуждается в двигателе. И коль скоро всякое совершенство есть луч первопричины, обладающей высшей степенью совершенства, очевидно, что первое небо больше получает света от первопричины, каковой является Бог. Однако этот аргумент выглядит отрицающим предыдущее, ибо он не является простым и отвечающим форме антецедента (предшествующего) подтверждением; но если иметь в виду его материю, она является хорошим доводом, ибо речь идет о таком вечном предмете, который мог бы увековечить в себе недостаток. И если Бог не придал ему движения, становится очевидным, что Он не дал ему и сколько-нибудь несовершенной материи. И, согласно данному предположению, аргумент остается в силе с точки зрения материи; подобным способом аргументации были бы слова: если он человек³⁵, он способен смеяться; ибо во всех обратимых суждениях такого рода довод имеет силу благодаря содержанию. Следовательно, ясно, что, когда автор говорит:

"В тверди... где свет их восприят

Всего полней"³⁶,

он имеет в виду рай, или же Эмпирей.

Приведенным выше доводам созвучны слова Философа в первой книге "О небе", где он говорит, что небо "обладает материей настолько отличной от материи всего, что стоит ниже его, насколько оно далеко от вещей, здесь находящихся". К этому можно было бы присовокупить слова Апостола о Христе, обращенные к ефесянам: "Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все"³⁷; и это - небо Божественных прелестей, о которых Иезекииль сказал Люциферу: "Ты знак подобья, печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме, среди прелестей сада Божьего"³⁸.

Поведав о том, что он побывал в этом месте рая, автор продолжает рассказ, утверждая, что "вел бы речь напрасно / О виденном вернувшийся назад". И объясняет причину: "...близясь к чаемому страстно", то есть к Богу, "наш ум к такой нисходит глубине, / Что память вслед за ним идти не властна"³⁹. Чтобы понять это, нужно знать, что в данной жизни человеческий ум по причине единой природы и общности с умственной субстанцией, находящейся отдельно от него, когда он поднимается, поднимается настолько, что память после его возвращения слабеет, ибо он превысил человеческие возможности. Это подсказано мне словами обращения Апостола к коринфянам: "Знаю о таком человеке - только не знаю, в теле или вне тела: Бог знает,- что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать"⁴⁰. Вот почему, превзойдя возвышением разума человеческие возможности, автор не помнил того, что происходило вне его. Это же подсказано Матфеем, когда он повествует о том, как три ученика пали ниц

на землю, не умея потом ничего рассказать, ибо обо всем забыли. И у Иезекииля написано: "Увидев это, я пал на лицо свое".

И если завистникам недостаточно приведенных примеров, пусть прочтут "Созерцание" Рикарда Викторинца⁴¹, пусть прочтут "Суждение" Бернарда, пусть прочтут "О качествах души" Августина - и они перестанут завидовать. Если же они взвоят, упрекая автора и возражая против способности столь высоко возноситься, пусть прочтут Даниила⁴², из которого узнают, что даже Навуходоносор по воле Божьей видел некоторые вещи, говорящие против грешников, но потом забыл их. Ибо Тот, Кто "повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных", порой милостиво обращающийся, порой строго наказующий в зависимости от того, как Ему угодно, являет славу Свою даже тем, кто пребывает во зле.

Итак, по утверждению повествующего, он наблюдал некоторые явления, которые не умеет и не может пересказать "вернувшийся назад"⁴³. Совершенно естественно лишний раз обратить внимание на слова "не умеет и не может". Не умеет потому, что забыл; не может по той причине, что, если он и помнит и хранит в памяти главное, ему не хватает слов. В самом деле, разум наш видит многое, для чего у нас не хватает словесных обозначений, о чем в достаточной степени свидетельствует Платон, который в своих книгах пользуется переносными формами; так что благодаря свету разума автор познал многие явления, которые не смог выразить своими словами.

Выше автор говорит, что поведаст о тех явлениях Святого царства, которые "мог скопить, в душе оберегая"⁴⁴, и что это - содержание его песни. Все это станет очевидным из основной части повествования.

Далее, когда он говорит: "О Аполлон, последний труд свершая..." - он переходит к призыву. И эта часть делится на две: в первой он просит, взывая, во второй - убеждает Аполлона не оставить без внимания его просьбу, предвкушая некую награду; эта часть начинается со слов: "О вышний дух..."⁴⁵ Первая часть делится на две: в первой он испрашивает Господней помощи, во второй - останавливается на том, что его просьба вызвана необходимостью, чем оправдывает ее; эта часть начинается словами: "Мне из зубцов Парнаса нужен был..."

Такова вкратце вторая часть пролога; здесь я не останавливаюсь на ней подробно, ибо меня стесняет ограниченность моих возможностей, так что мне следует отказаться от этих и других вещей, немаловажных для всеобщего блага. Но я надеюсь, Ваше Великолепие разрешит мне продолжить полезные объяснения в другой раз.

Не вдаваясь в подробности об основной части, начинающейся после пролога, и никак ее не деля, скажу о ней лишь следующее: переходя от неба к небу⁴⁶, автор поведет в ней речь о блаженных душах, встреченных в каждой из сфер, и объяснит, что подлинное блаженство заключается в познании основы истины, как явствует из слов Иоанна, когда он утверждает:

"Сие есть истинное блаженство, да знают Тебя, единого истинного Бога..."⁴⁷ - и из третьей книги "Утешения" Боэция, где сказано: "Лицезреть Тебя есть наша цель"⁴⁸. Следовательно, для того чтобы показать свет блаженства, озаряющий эти души, у них, как у свидетелей истины, будет испрошено многое весьма полезное и приятное. И коль скоро, установив основу или первопричину, то есть Бога, искать больше нечего, ибо Он есть альфа и омега, то есть начало и конечная цель, как говорится в Откровении Иоанна Богослова,- сочинение завершается словами о Боге, Который да будет благословен во веки веков.